

Добрунов С.Д.

Вкус сока манго

18+

Сергей Дмитриевич Добрунов

Вкус сока манго

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42657666

SelfPub; 2019

Аннотация

80-е годы прошлого века. Как любили тогда? Чем жили и к чему стремились молодые люди в то время?

Вкус сока манго

Глеб Сергеевич

Осенний вечер опускался на город. Большое черное небо полное снега и дождя навалилось на улицы, проникало в дома. Загорелся свет в окнах, включились фонари. Легкий первый мороз подсушил дороги, покрыл инеем крыши и ещё кое-где зелёные листья. Машины фарами искали себе путь между домов. В магазинах толпился народ, запасаясь провизией к ужину.

Глеб Сергеевич Данилов вышел из офиса, застегивая на ходу молнию своей модной куртки. И направился к машине. Рабочий день закончился, дома ждали жена, тепло, уют и отдых. К своим пятидесяти пяти годам он сделал уже многое: карьера, деньги, положение, влияние, семья, дети... В машине на панели под лобовым стеклом лежала бумажка со списком продуктов – жена просила купить вечером. Глеб поехал в супермаркет. Долго искал место для стоянки и, наконец, оставив машину, вошел в раздвижные двери магазина.

Толкая перед собою тележку, он раскрыл список: колбаса, сыр, хлеб, мандарины, творог, виноградный сок.

“Где же здесь соки?” – он стал маневрировать между стойками, отыскивая нужную и, найдя полку с пакетами соков, стал выбирать: виноградный, мандариновый, апельсиновый, сок с мякотью МАНГО! Он застыл, вдруг, уставившись на длинный пакет с буквой Я и изображением красного плода

на коробке. “Сок манго”, раньше он был редкостью и продавался в больших трехлитровых банках, закатанных железной крышкой. А вкус! Тогда для Глеба это был вкус Индии и любви! А попробовать его в первый раз дала ему она, Катя. Как давно это было!

Шел 1980 год. Тогда была ранняя весна, середина марта. Он, Глеб, молодой спортивный парень, инженер с Сельмаша, возвращался домой в свою малосемейную квартиру через заснеженный и пустынный парк. Пробираясь по плохо протоптанной в снегу дорожке в боковой аллее, он решил выйти на главную, хорошо освещенную и, видно, очищенную от снега аллею. Выбравшись на свет, увидел, что со стороны главного входа, справа, вдалеке, в парк входит, вернее, вбирается девушка и тащит, да в прямом смысле, тащит по снегу огромную сумку. “Жаль, что далеко очень” – подумал Глеб, – можно бы и помочь даме». И, повернув, налево, он быстро зашагал по очищенной дороге. В следующей боковой аллее он обратил внимание на двух парней, стоявших в полумраке у скамейки по колено в снегу и наскоро выпивавших из большой бутылки вино прямо из горлышка. Они громко о чем-то говорили и дымили сигаретами с противным запахом. “Вот придурки, алкаши” – подумал Глеб, шагая дальше...

Стоя сейчас у полки с соками, Глеб Сергеевич вдруг понял, что тогда, выходя на большую аллею парка, он ещё и представления не имел, что выходит на главную дорогу своей жизни... Не будь снега, будь лучше прочищены боковые

дорожки парка, и жизнь его сложилась бы иначе. А а тогда, шагая быстро и уверенно, глубоко вдыхая морозный свежий воздух и наблюдая, как в свете фонарей летят тысячи снежинок, блистая и переливаясь в воздухе, медленно падают на землю, он радовался отступающей зиме, молодости, жизни.

Катя

Тогда, в 1980 году, она училась на четвёртом курсе пединститута. Родителей у неё не было, они еще в далеком Катином детстве погибли в аварии, и маленькая Катя вместе со старшей сестрой жила с бабушкой в станице Вешенской. Поступив в Ростов в институт, домой ездила часто и с удовольствием. Не было уже и бабушки, и никого кроме сестры и ее семьи у Кати не осталось. И Настя, её сестра, и Олег, Настин муж, и двое близнецов, Костя и Сергей, любили Катю и всегда радовались её приезду. Каждый её визит был праздником, событием в жизни этой молодой и счастливой семьи. Вот и тогда, в тот мартовский день, они вместе с Олегом потащили тяжелую сумку, наполненную продуктами для студентки недели на две, до автобуса в Вешенской, а в Ростове Катю должна была встретить подружка, с которой жили в одной комнате в общежитии и учились на одном курсе. Но добравшись до Ростова, Катя с ужасом поняла, что подружка эта, Танька, на вокзал не явилась и, прождав минут двадцать, сама потащила сумку. Вот так и оказалась она со своей неподъемной ношей на большой аллее парка. Стараясь срезать дорогу до общежития и облегчить свою участь, надры-

ваясь и проклиная все на свете, волочила сумку по мокрому снегу. Было уже темно, но чувствовалось, что над городом висит тяжелое темное облако, которое сыплет на землю мелкий снег и придавливает её легким морозом, отчего сумка легко скользит по замерзающей дороге. Она тоже обратила внимание на двух мужиков, пьющих вино в боковой аллее, и побыстрее пошла дальше.

Но тут кто-то положил ей руку на плечо:

– Эй, подруга, давай помогу, – на неё смотрели маленькие пьяные глаза, и свежий воздух наполнился запахом перегара и страха.

– Спасибо, я сама, – испуганно отстранилась Катя, но огромная рука другого пьянчуги уже схватилась за ручку сумки.

– Тебе же говорят, поможем, только нам в другую сторону, – тот, с огромными руками, потащил сумку к себе.

– Тебе сумка, мне девка, – засмеялся толстяк с маленькими глазами и быстро обхватив Катю за шею, стал пытаться ее поцеловать. Но она дернулась, скорее от испуга и, подскользнувшись ударила обидчика сапогом по голени. Они оба упали, и толстяк с маленькими глазами взвыл от боли, но почувствовав под собой Катю, стал прижиматься к ней вонючей и колючей щетиной. Катя больно ударилась затылком об лёд, аж в глазах потемнело, но она изо всех сил крутнулась на бок, вырвалась из рук пьянчуги и попыталась встать, но второй, с огромными руками, повалил её вновь, видно, забыв,

что ему принадлежит только сумка. Тяжело дыша, извергая вонь перегара, он попытался опять перевернуть её на спину. Страх прошел, и дикая злоба нахлынула на Катю. Она изо всех сил ударила локтем обидчика по голове, вскочила и побежала, но толстяк догнал её тут же:

– Ты что, сука, делаешь, ты кого ударила, – он схватил её за воротник и врезал пощечину. Боль и стыд и еще большая злость вскипели в Кате одновременно, и она уже развернулась боком, чтобы и этому врезать локтем, но он вдруг сам отлетел в сторону. Молодой парень в легкой куртке появился, словно из-под земли, и с силой отшвырнул толстяка. В это время второй, с огромными руками, уже был на ногах и бросился, вернее, повис у парня на шее. Парень врезал ему в нос, и тот, падая, ухватился за рукав куртки парня и почти оторвал его. А первый, толстый с маленькими глазами, одновременно с падением сотоварища ударил парня в лицо, и из губы у того сразу потекла кровь. Взбешенный парень начал так молотить пьяных, что скоро они уже стонали на снегу. Катя все время бегала вокруг, хватая пьяниц за воротники и рукава, мешая им нападать на так вовремя появившегося спасителя.

– Атаc, уходим, – заорал тот, у которого были маленькие глаза. Подымаясь, он пробуксовывал на скользком снегу и кинулся прочь. Второй получил хорошего пинка под зад, отчего упал опять, но видя подельника, уносящего ноги, с еще большей прытью кинулся прочь. Тяжело дыша и все еще дер-

жа наготове полусогнутые руки, парень крикнул что-то грубое им в след и, успокоившись немного, повернулся к Кате... Коротко стриженный, с размазанной по лицу кровью и с рассеченной губой, он был хорош собой и даже красив.

– Я еле успел, увидел вон оттуда, – он показал пальцем вдаль аллеи. – С вами все в порядке?

Катя тоже ещё возбужденно дышала и лишь кивнула головой в ответ, но отдышавшись немного, добавила.

–

– У вас кровь на губе и рукав оторван. Парень махнул рукой и достал из кармана носовой платок, белый с синими полосками по краям, и приложил к разбитой губе.

– Лучше снегом. – Катя оглянулась по сторонам и увидев на газоне участок еще белого чистого снега, пошла прямо к нему, проваливаясь по колено в сугроб, нагребла в обе руки свежего, ещё переливавшегося кристаллами снега и быстро, ступая в ямы от своих же сапог, вернулась обратно.

– Вот чистый, чтобы не было заражения.

Парень взял комок снега, приложил к губе и повалился на скамейку. Было уже совсем темно, только свет старого фонаря отражался в летящих на землю снежинках. Катя подтащила к скамейке свою сумку. Вдали посередине парковой аллеи виднелась красная спортивная сумка с ручкой через плечо, неуклюже валявшаяся на снегу.

– Ваша? – спросила Катя, указывая в сторону сумки, парень кивнул. Катя принесла её, села рядом.

– Больно?

– Нет, вот сволочи, надо же, так подбили, как мальчишку!

– Ну, Вы дрались как лев. Спасибо большое.

– А, ладно, делов – то. Не нужно ходить по таким местам.

– Я часто здесь хожу, и потом сумка тяжелая.

– Это что намёк, чтобы и сумку ещё дотащил? – он улыбнулся мягко, явно шутя и не пытаясь даже обидеть Катю, но она смутилась.

– Глеб, – исправляясь, представился он, – отбил от бандитов, значит, и сумку отнесу. Куда прикажете?

– Да здесь рядом, я сама, – она тоже улыбнулась.

– А звать-то тебя как, потерпевшая?

– Катя, – она опустила глаза.

Глеб отбросил промокший кровью комок снега, приложил другой. На черной куртке заметна была белая подкладка там, где к ней пришит рукав.

– Ой! У меня же есть иголка и нитка, я сейчас пришью быстро, – она поднялась, вытащила из бокового кармана своей огромной сумки маленькую, такую как большой кошелёк, сумочку и, достав из неё иголку и черную нитку, подседа поближе к своему спасителю, – пока кровь остановится, рукав будет на месте. Вам повезло, лопнул по шву, потом можно на машинке, незаметно будет совсем, – она умело водила рукой с иголкой, и дыра уменьшалась на глазах. Глеб сидел вполоборота, послушно подставив плечо.

– Что ты заладила: «Вы да Вы» – что я, старый какой.

– Да нет, ещё не очень, – растерянно ответила она, и глаза их встретились, – вернее совсем еще не старый.

Они засмеялись, и Глеб тут же скривился от боли в губе, опять потекла кровь, и он придавил её снегом.

– Конечно, не старый, это ты сама старая, раз некому сумку поднести помочь.

– Танька обещала прийти на вокзал, а не пришла, – Катя продолжала шить, – там продукты, двухнедельный запас. А я там вон живу в общежитии педина, – она указала свободной рукой в сторону вереницы горящих окнами домов. – Почти дошла, да чуть не убили, – она представила весь кошмар случившегося и сжалась вся.

– Ну, ну, все уже позади, успокойся, – Глеб погладил её по голове как маленькую девочку, – так говоришь, Катей тебя зовут, красивое царское имя, а у меня вот некрасивое какое-то скользкое имя. Глеб. Мне не нравится.

– Почему? Нормальное имя, мне нравится, – она оторвала нитку: – Готово.

– Кто нравится? – спросил Глеб.

– Не кто, а что, имя нравится, оно не скользкое, а смелое. Спасибо ещё раз. – Она поднялась. – Ну я пошла!

– А как же сумка? – Глеб тоже поднялся со скамейки, накинул на плечо свою сумку и взял Катин баул.

– Ого, ты что, кирпичи ешь, что ли? – и из губы появилась опять капля крови.

– Стой, ещё рано, кровь течет, сядь, – Катя опять принесла

ему чистого снега с центра клумбы, – поддержи еще минуту.

На скамейке в стороне лежал платок, белый с синими полосками по краям. Она подняла его.

– Давай я выстираю его. Нужно в холодной воде, а потом в пергидроле. У Таньки есть.

– Как хочешь, можно и выбросить. А в общем, хочу. Конечно, хочу, чтобы ты этот платок выстирала. Буду носить как память о пропущенном ударе от пьяного придурка, – он замолчал на мгновение, – и как память о девушке по имени Катя... с двухнедельным запасом кирпичей.

Они сидели еще минут двадцать, непринужденно беседуя ни о чем и обо всем сразу. Потом он дотащил её сумку до общежития. Из окна второго этажа выглядывала возбужденная Танька и, увидев Катю, тут же выбежала на крыльцо.

– Прости, прости, прости, как есть проспала. Жду тебя и переживаю. Ой, а это кто? – она с интересом взглянула на Глеба.

– Глеб Сергеевич Данилов – носильщик с автовокзала, да вот от тяжести баула на повороте, наверное, задел за угол дома, – он указал на губу, – бывает, травма при исполнении служебных обязанностей, так сказать. Пока, до свидания, на чай все равно не пригласите, не впустят, – он указал на вывеску и прочел по слогам: «Вход по пропускам». И, главное, чаевые носильщикам в нашей стране запрещены, – и повернувшись, быстро ушел в ночную темноту.

Катя первым делом выстирала платок. Тщательно так, что

следов крови и не осталось. Выгладила. И потом долго не могла заснуть в ту ночь...

Глеб

– Привет, – как старой знакомой, сказал он. Глеб полусидел, полулежал на старом диване в холле общежития напротив конторки дежурной. – Я за платком.

Катя была сильно удивлена, увидев его здесь сразу после занятий, но заметила, что одет он был чисто, в дорогой куртке, свежей рубашке, из-под рукава которой выглядывали дорогие часы; исходил от него и запах дорого одеколona.

– Ой, привет, сейчас вынесу, – она помчалась на второй этаж с такой легкостью, словно ей было пять лет. Платок лежал на столе у окна: белый с синими полосками по краям. Она взяла платок, повернулась и быстро пошла к двери, но вдруг остановилась и подошла к стене, к старому шкафу с большим зеркалом во весь рост. На неё взглянула знакомая фигура: не высокая и не маленькая, как и должно быть, не худая, а скорее тонкая: детские ещё бедра только начали округляться и превращаться в девичьи, грудь уже вовсю выделялась под рубашкой, лицо продолговатое мягко обрамлялось упругими и округлыми щечками, тонкие чувственные губки всегда чуть-чуть улыбаются, держа рот слегка приоткрытым, и через щелку всегда видны маленькие белые зубики, которые ровными рядами выстроились вдоль губ. Большие

синие глаза со светлыми, правда, ресницами, еще не знавшими макияжа, высокий лоб скрывался под длинной непослушной челкой, сквозь которую проглядывала поперечная складка кожи, длинные каштановые волосы вились, извивались, закручивались от лопаток до груди, причудливо рассыпались по плечам, на голове слева между волосяных прядей выглядывало маленькое почти прозрачное ушко. Вот только одно – веснушки, рассыпанные по щекам, ровно тринадцать штук: шесть слева и семь справа, с самого детства смущали и вводили Катю в краску, как только она вспоминала о них. Но взрослея, она поняла, что именно этими веснушками и отличается, выделяется среди других девушек. Ведь каждая девушка, в первую очередь, и должна выделяться из всех.

Катя поправила челку и побежала вниз в холл к Глебу.

– Вот, – присаживаясь рядом на диван, протянула она платок, – как новый, и без пергидроли обошлось.

Глеб взял платок, а вместе с ним и Катину руку:

– У меня тут друг уехал на пару дней, оставил ключи от квартиры, пойдем пообщаемся... – он держал её за руку и смотрел в глаза.

Что-то холодное и злое, как у того пьяницы вчера, было в его взгляде, тот же страх, что и вчера ударил Кате в голову. Она отшатнулась, медленно высвобождая свою руку, та же вчерашняя злость овладела ей вновь.

Не зачем было спасать меня от насильников вчера, чтобы требовать в награду то же самое сегодня. Она резко подня-

лась, взглянула на него зло и ей захотелось также ударить его локтем, но вместо этого она быстро побежала наверх, но уже не как маленькая девочка, а тяжело, как облитая грязью старуха, упала на постель прямо в пальто и зарыдала ...

Глеб

Глеб работал инженером на Сельмаше. Работал уже пять лет и почти два года назад поселился в малосемейной квартире; родом из Таганрога, он превосходно обжился в Ростове. Общительный от природы, быстро заводил друзей и поддерживал с ними постоянную связь. Учился он в институте хорошо и ещё тогда был душой любой компании, любил погулять. И многие женщины влюблялись в него быстро и быстро оказывались в его постели, но никогда не жалели о своих поступках и никогда не претендовали на большее. И это его вполне устраивало. Он привык к легким победам и о большем не думал. Сейчас его волновала работа. Увлеченный по натуре, он видел все недостатки и, порою, глупости в производстве и знал, как можно всё переделать и изменить. Думал об этом постоянно. Тот липовый план, который выполнялся в основном выпуском брака или неукомплектованной техники, бесил его; зарплата бракоделов была гораздо выше его собственной. Отношение к труду, в основном, наплевательское. Технику покупали в обязательном порядке тоже по плану, и никто ничего не хотел менять. Он говорил с главным инженером несколько раз о том, что при пра-

вильной постановке дела можно в двадцать раз улучшить качество, выгнать всех лодырей, а оставшимся платить в три-четыре раза больше. Но его не слушали, даже угрожали карой за антисоветские выступления. Но червоточина модернизаций и реконструкций, желание работать не за зарплату стабильную, но низкую, а за долю в конечном результате сидела в нем крепко. Поэтому продвижения по службе не было. В выделении отдельной квартиры ему тоже отказали. "Не женат, – сказал ему председатель профсоюза, – можешь пожить и в малосемейке". И поэтому, не находя удовлетворения в раскрытии своих способностей, живого и творческого дела, он усиленно занимался спортом и увлекался женщинами. Благо был у него друг, ещё со студенческих лет – Антон, сын третьего секретаря горкома партии, который, правда работал не на заводе, а в НИИ, и квартиру отдельную имел, однокомнатную, в большом девятиэтажном доме, имел и свою машину и вел образ жизни преуспевающего холостяка. Глеба любил, ценил его профессиональные взгляды и покорно поддавался его влиянию, а уж в такой мелочи, как ключи от квартиры, никогда не отказывал.

В тот день, когда Глеб отправлялся за своим носовым платком с ключами от Антоновой квартиры, сам Антон оставался в малосемейке на диване с пивом и астраханской воблой... и телевизором. Здесь ему и предстояло ночевать в эту ночь. Перед уходом Глеба он спросил его как бы в шутку:
–Кто на этот раз ?

Глеб завязывал галстук у зеркала, но вдруг бросил это занятие и повернулся к другу:

– Не знаю, зовут Катя! Но она не такая как все. Вот это из-за неё, – он указал на кровавую корочку на губе. – Она отчаянно дралась с двумя насильниками, отчаянно. Она не глупенькая дурочка, а Леди. Я бы мог обойтись и своей конурой, но здесь другое дело, здесь нужен комфорт, даже роскошь. Но я её достану всё равно, за такое нужно платить, – он ещё раз ощупал припухшую губу и опять повернулся к зеркалу завязать, наконец, галстук.

– Брюнетка, блондинка? – спросил Антон, отпивая пиво.

– У неё веснушки на щеках и голубые глаза. Я у неё платок свой оставил в крови, теперь вот иду забирать, – он подкинул в руке ключи от квартиры. – Бывай.

А через час вернулся хмурый и злой.

– Черт бы все побрал, – он открыл бутылку пива и жадно выпил почти половину.

– Что, платок не успела выстирать? – съязвил Антон.

– Нет. Вот он. – Глеб бросил платок на стол, – обиделась и отшила меня так, что до сих пор уши горят. Я же говорил тебе: она не самка, она Леди, но с характером крутого мужика.

– Тогда брось и забудь. С серьезными девицами лучше не связываться. Если вчера она была не такая как все, а сегодня власть над тобой установить хочет, держись от неё подальше. Мало, что ли, хорошеньких дурочек? Вот таких и ищи и радуйся жизни. Коллекционируй! А такая тебе петлю на шею

накинет быстро и будет вертеть твоей головой куда ей нужно, а нужно им всем в одно место – в ЗАГС, сам знаешь. Тебе сколько лет? Двадцать девять! Молод еще. Забудь. Живи и радуйся... вот пиво пей.

– В ЗАГС, говоришь? – Глеб задумался. Таким путём? Нет, я ей неприятен стал. Я схамил. Как обычно, без сентиментов намекнул, что мне нужно. Но номер не прошел. Хорошо. Мы пойдем другим путём. – Он посмотрел на Антона, полулежащего на диване, и умолк на полуслове, словно зародилась в его голове шальная мысль, столь секретная, что даже такому другу как Антон говорить нельзя.

– Ты что? Насилие? Вчера спас от него, а сегодня сам?

– Нет, я не об этом, потом скажу.

– Как знаешь. – Антон поднялся, – я пойду, не пустовать же квартире. Я-то сам спать не буду. Он стал одеваться: – может, покажешь как-нибудь Катю с веснушками и крутым характером?

– Непременно, – двузначно ответил Глеб. Он смотрел в окно и жадно курил. Мысли его были далеко....

Катя

Почти всю ночь она не спала и думала о том, как мог так поступить внезапно ворвавшийся в её жизнь добрый, здоровый, молодой, красивый парень? Как мог молодой человек, отбивший её у насильников и воров, оказаться хамом, а может, и подлецом. Что-то не увязывалось здесь. Он неожидан-

но издали увидел двух мужиков, бьющих женщину, и сразу бросился на помощь, даже сумку свою бросил по пути. Отчаянно вступил в схватку с двумя, победил, обратил их в бегство, правда, и сам пострадал... Но драться умеет! Что-то нехорошее сказал насчет того, что она хочет, чтобы он ещё и сумку донёс, но тут же исправился, проводил её домой, поднёс сумку, шутил и был весел, любезен, несмотря на разбитую губу, и не стал просить никаких наград вчера, а ведь вчера мог бы... Катя представила, как бы это он мог бы... А охамел только сегодня, упал до уровня вчерашних пьяниц. Или это ей только показалось? И не было ничего хамского в его словах? Что значит: «Пойдем пообщаемся?» Нет. Сам тон! В нем был тайный намек именно на определённое общение, на нехорошее общение какое-то, с позиции силы, даже без её желания. Катя давно уже знала, что между женщиной и женщиной бывают вот такие общения особые, и в результате этих вот особых общений рождаются дети. Поступи он по-другому, как положено парню в мире людей, постепенно заведи дружбу, покажи то хорошее ухаживание, которого уже и так давно хотела Катя, и она, может быть, не стала бы противиться такому общению, ведь он так хорош собою... Нет. Это всё чушь, но ведь ей хочется, чтобы ИМ был именно такой, как он. Нет, скорее, хамство получилось у него случайно, против его желания сорвалось с языка, а сказать он хотел совсем другое. Но зачем тогда брал ключи у знакомого? Явно чтобы общаться. Неужели у неё вид де-

шевой потаскушки? Он, наверное, часто вот так общается с другими женщинами. Опытен. Ведь старше ее лет на восемь. Бабник! Ещё бы, такой красивый... наверное, они сами потоптом... Так она думала, спорила сама с собой до утра и, не решив ничего конкретно, не ответив даже на вопрос: «Кто он такой, этот Глеб?», то упрекала себя в том, что не спала и всю ночь думала о нем, то погружалась вновь в размышления. И лишь когда утро появилось в “в завесах темных окна”, забылась тревожным сном.

Глеб

Говорят, что мужчины любят глазами, а женщины ушами. Но нет, наверное, женщины любят не только ушами, они любят в мужчине, в первую очередь, действия и поступки, поведение, его цели, его уверенность в себе. Они сразу понимают по его движениям, манерам, интонациям, насколько он самостоятельный человек и сможет ли вести женщину за собой по этой жизни и сможет ли она покорно следовать за ним. Ведь большинству, если не всем женщинам, нужен мужчина-лидер, защитник, опора, а она сама хочет лишь спокойно сидеть где-нибудь рядом и восторгаться им и покоряться ему! Говорят, что жизнь дана нам, чтобы просто прожить её. Прожить и все, испытать и радость, и счастье, и беду, и горе, проявив любовь, сострадание, ненависть, грубость, хамство, сделать в ней, в жизни, свой выбор и реализовать его. И пусть будет стыдно потом, что прожил не так, бесцельно, за-

нимался не тем чем нужно было, но лучше сострадать о содеянном, чем сожалеть об упущенном. Это тоже жизненная истина. Именно затем и дана жизнь, чтобы ничего не пропустить, не прозевать в ней, чтобы воспользоваться всем, что она, эта жизнь, предоставляет нам. Тогда и будут годы, прожитые с целью. Японцы говорят: чтобы понять смысл жизни, узнать, в чем её цель, нужно сначала ощутить её вкус! Вот Глеб и жил так, чтобы ничего не упустить, не прозевать, чтобы не сожалеть об упущенном, испытывая вкус жизни каждый день.

Способный инженер, он прекрасно понимал, что существующий в стране способ производства не соответствует складывающимся производственным отношениям и что что-то нужно менять, и это что-то волновало его очень, занимало порою все его мысли и днём, и ночью. Он, наверняка, был один из тех, кто с нетерпением ждал грядущих перемен в жизни страны, а может, и будет в будущем эти перемены совершать и пользоваться их плодами. А пока он радовался жизни и своей молодости.

Зарплата в те годы у инженера была небольшой, но особых пристрастий в одежде он не имел, одевался как все в универмаге, в то, что есть. В очередях за дефицитом не стоял. Любил спортивный стиль. Но за простотой внешнего вида, считал он, у каждого мужчины должна быть своя изюминка, свой восклицательный знак. И для него это были часы. Он через знакомых женщин договорился, достал, добыл, как го-

ворили тогда, часы “Ориент”, упакованные в полиэтиленовый пакетик с морской водой, с ярко-синим циферблатом цвета моря в солнечный день. Это и был восклицательный знак в самом Глебе. Ещё одной его слабостью была обувь, которая должна была быть всегда не только идеально ухоженной, но и очень модной, тоже дорогой, стильной, как говорят сейчас. Если у него и не было тогда повседневного костюма: брюки и пиджак, то туфли были и черные, и белые, и коричневые, и были только входившие в моду в те годы импортные кроссовки и две пары зимней обуви: сапоги и ботинки, и он тщательным образом следил за обувью, даже в рабочем кабинете хранил щетку и крема нужных цветов.

Коротко стриженные черные волосы ёжиком уже местами имели седые прожилки; близко посаженные, но весьма немаленькие карие глаза смотрели не созерцая, а изучая окружающий мир, исследуя его, пристальным и внимательным взглядом; нос с горбинкой, всегда выбритые до синевы щёки напоминали скорее кавказца, но вот губы, чуточку пухлые и плотно закрывавшие рот, чисто по-русски изменяли лицо; видневшиеся на груди густые волосы завершали портрет.

Вкус сока манго

На следующий день Глеб взял отгул и с самого утра отправился в общежитие педина на Пушкинскую. У дежурной без труда все выяснил о Кате и уже к концу первой пары стоял возле дверей аудитории на втором этаже основного кор-

пуса института, прислонившись к подоконнику и закрывая спиной небольшой букетик нарциссов. Зазвонил звонок, и студенты загомонили как пчелы и стали

“вылетать” из своего “улья” через двери аудитории. В Глебе все сразу признали чужака: ребята косо, а девчонки с интересом смотрели в его сторону.

– Катя! – нарочито громко крикнул он на весь корridor, заметив её у дверей. Все на мгновение смолкли от крика и посмотрели в его сторону, повернулась и не заметившая его, как ни странно, а, может быть, и совсем не странно, Катя. Прищурившись, слегка окинув немym взглядом застывших в изумлении товарищей, Катя подошла к окну и молча остановилась перед ним.

– Добрый день, знаешь, я пришел извиниться за вчерашнее. Я не прав, прошу, прости, – Глеб приложил к груди ладонь и склонил голову.

Изумлённые студенты с открытыми ртами наблюдали эту сцену. Катя молчала, только отвела глаза в сторону.

– Катя, я не спал всю ночь, не понимая, как такое могло сорваться у меня с языка. Прости! Прощу! – он вытащил из-за спины букетик нарциссов.

Увидев цветы, Катя улыбунулась одними губами, глаза загорелись.

– Губа-то пухлая ещё, – сказала она мягко, принимая цветы, – надеюсь, до свадьбы заживет. Правда, “общаться” будет трудно пока, – она опять злобно взглянула на него.

– Я надеюсь, что не заживет, не успеет.

– Что не успеет? – не поняла Катя, нюхая цветы.

– Не успеет зажить губа.

– Почему?

– Катя, я прошу тебя, выходи за меня замуж, – он взял её за руку, – сегодня, прямо сейчас.

Она удивилась, глаза её ещё больше увеличились и раскрылись, через щелку между тонких губ блеснули два ряда белых зубиков.

– Что, прямо здесь?

– Нет, конечно, пойдём куда нужно и зарегистрируем законный брак, станем мужем и женой.

Они некоторое время смотрели в глаза друг другу, так что каждый видел своё отражение... Наконец она покачала головой, словно, взвесив всё, решила отказать, и сказала:

– Пойдем...

Прямо сегодня, сейчас пожениться не получилось. В ЗАГСе у них взяли заявление и выдали приглашение на бракосочетание в виде пакетика с изображением аиста, несущего в клюве младенца... Приглашение на бракосочетание через два месяца.

Как дети, у которых отняли любимую игрушку, они молчали, просто брели по улице, потупив головы, оба расстроенные. Глеб опомнился первым и, решив как-то успокоить Катю, сказал:

– Катя, а давай отметим это событие, – он указал на паке-

тик, который она теребила в руках, – давай выпьем... кофе. Здесь, за углом, хорошая кофейня, даже есть бар. Посидим, поболтаем.

Катя молча кивнула головой...

Они оба направились к угловому, самому дальнему столику, словно договорившись друг с другом, чтобы меньше кто видел их потухший вид, хотя в это время всё равно в кафе никого не было и, как ни странно, официант появился быстро.

– Два кофе черных, мне двойной, а девушке – одинарный, – сказал Глеб, вопросительно взглянув на Катю, словно спрашивая её одобрения. Она молча кивнула.

– У нас кофе по-турецки, придётся подождать чуть-чуть, пока приготовлю, – ответил официант.

Катя и Глеб послушно кивнули. Катя вдруг неожиданно как-то спросила совсем без надежды:

– А нет ли у вас сока манго?

– Конечно, есть и даже холодный! У нас есть всё, – широко улыбаясь, довольный произведенным эффектом, гордо ответил официант.

– И мне сок ещё... тоже, – добавил Глеб.

Официант удалился с высоко поднятой головой.

– А что такое сок манго? – спросил Глеб Катю тихо, почти шепотом, словно не хотел, чтобы его кто-то услышал.

– Как, ты не знаешь? – глаза Кати опять засветились, заблестели, зубки сверкнули, натянув губки в веселой улыб-

ке. – Ты никогда не слышал о манго?

– Правда, нет, я же комбайны строю, – он увидел оживление Кати и словно только сейчас почувствовал её присутствие после шока, перенесенного в ЗАГСе.

Вот она, его теперь Катя, ещё не жена, но уже невеста. Она, как Гагарин, перешагнула из одного звания в другое, миновав должность (может, не должность, а статус?) девушки. Была просто знакомая и стала сразу невеста, жаль, что не жена, правда.

Катя тоже наконец-то почувствовала, что Глеб теперь её жених, а не знакомый носильщик с автовокзала, и заговорила так энергично, что веснушки задвигались по пухлым щёчкам, вызывая умиление у Глеба.

– Манго – это плоды растения семейства ”сумаховые”, растёт в основном в Индии, кожура окрашена в красный, желтый или зелёный цвет, в зависимости от сорта, а вот мякоть и сок всегда желтоватые. Очень вкусный. Я его очень люблю, ты что, никогда не пробовал?

– Нет, и понятия не имел, что такое вообще есть.

– А знаешь, самый вкусный сорт называется «Альфонсо», что переводится как дамский угодник.

– А может, «Бабник»? – лукаво перебил Глеб.

– Это ты бабник, специалист по “общениям”, – блеснула зубиками и глазами Катя. Глеб засмеялся. Им становилось легко и уютно друг с другом здесь, за угловым столиком в кафе. Что-то новое, ещё неведанное, как-то связанное со

странным словом “Манго” появилось где-то здесь, в зале, и постепенно приближалось к ним обнимая и обволакивая их своим сладостным чувством и вкусом.

Официант действительно быстро принёс две чашки кофе, большую и маленькую, и два больших, грамм по триста, высоких запотевших стакана, наполненных желтой и тягучей как желток жидкостью. Кофе пить, конечно, пока не стали, а сразу принялись за сок. Глеб первым отхлебнул глоток холодной вязкой жидкости: немного терпкая и сладкая одновременно, она обволакивала рот изнутри незнакомым вкусом того нового и ещё неизвестного, но уже такого родного и близкого.

– Знаешь, у этого сока вкус любви, – серьезно и без иронии произнёс Глеб и отхлебнул ещё глоток, – вкус ещё приходящей только любви, вкус ожидания свидания, который ещё слаще, чем само свидание, вкус нежности, вкус желания... желания любить.

Он смотрел на Катю, а она маленькими глотками, словно только губки свои макала, пила сок, вся превратившись в слух. Да, женщины любят ушами и любят поступки своих мужчин. Того, что сказал и сделал сегодня Глеб, она ждала с тех пор, как помнит себя. И пусть их совместная жизнь началась с отказа поженить их, но она началась именно сегодня, сейчас, вместе с выпитыми глотками сока манго.

Глеб Сергеевич

Глеб Сергеевич все ещё стоял у полки с пакетами соков, погруженный в сладостные воспоминания начала такой большой и такой короткой любви. Катя ещё раз макнула губки в сок, положила вдруг руку на затылок, отставила стакан и как-то тихо, одними губами почти застонала и закрыла глаза.

– Что с тобой? – спросил он, даже испугавшись.

– А так, когда упала вчера во время драки, ударилась затылком об лёд, там теперь шишка и иногда болит.

– Ничего, пройдёт, теперь до свадьбы заживёт и твоя шишка, и моя губа, – пошутил он и стукнул своим стаканом об её и допил свой сок до дна.

Но не прошла та шишка, не зажила...

Катя и Глеб

Они стали встречаться каждый день. Не было тогда ещё сотовых телефонов. Созвониться, связаться друг с другом было не так -то просто, как теперь. Свидания назначали в определённых местах и в определённое время. Для них таким местом стало кафе на Энгельса, где подавали сок манго. Со временем все официанты знали их, и если кто-то из них приходил раньше, то ему несли два стакана сока сразу, потому что второй должен был появиться следом. Глеб и Катя стали своеобразным символом кафе, брендом, а для Кати и Глеба таким специальным символом, имеющим тайное значение только для них, стали стаканы с соком манго. Глеб с особым умилением, даже с упоением смотрел, как Катя ма-

кает свои губки в сок, наслаждаясь его вкусом. Та тоненькая нить, которая протянулась между ними, когда Глеб свернул на главную, освещенную и очищенную аллею парка и взглянул на Катю, тянущую сумку, становилась с каждым днём крепче и крепче, и оба цепко и нежно держали каждый свой конец, боясь «порвать и повредить волшебную невидимую нить...» Поначалу они просто изучали друг друга, аккуратно ощупывая словами прошлое и настоящее каждого, постепенно и ненавязчиво проникая в душу друг к другу.

... Март заканчивался, иногда наступали уже теплые деньки, и настойчивое солнце рвало плотную пелену облаков и обдавало землю ярким ослепительным светом. Снег начал таять, превратив улицы и тротуары в месиво из снега и воды. Пешеходы в промокшей обуви аккуратно переступали, выбирая сухие места, всё же больше радуясь первым атакам весны на уходящую зиму, чем слякоти. Постепенно светало раньше, а темнело позже. Днем, особенно, когда солнце освещало тёплыми лучами землю и гнало прочь с неба тяжелые облака, все сильнее и громче раздавалось щебетание и трель тоже радующихся теплу птиц. Весна рвалась в природу, стучалась в жизнь людей, наполняла мир предвкушением грядущих перемен и вечной радостью ожидания счастья.

Больше не было надобности прятаться от непогоды в кафе. Глеб всегда провожал Катю в общежитие через парк, по той аллее, где снега уже почти не осталось, ветки деревьев тяжелели и гнулись под весом набухающих почек, и толь-

ко место «дуэли» скрывалось ещё под толстой коркой льда; кое-где на нём чернели пятна Глебовой крови. Несмотря на решительность в обращении с женщинами прежде, наглость даже при первом посещении общежития, сейчас Глеб вел себя нерешительно и боялся прикоснуться к Кате – столь невинной, наивной и красивой была она теперь. Под солнцем и веснушки горели ярким огнём и глаза синели ещё больше и губки изгибались изящнее, блистая ровными белыми зубиками. Катя горела, сияла, торжествовала вся от неожиданного и такогожданного счастья. Да и целовалась она только один раз, когда ещё училась в школе, плохо и неумело и ей не понравилось. И она ждала настоящего поцелуя с ним, с Глебом, такого, каким Рет Батлер целовал Скарлет, но Глеб почему-то даже не пытался прикоснуться, как будто боялся чего-то. Они уже пересмотрели все фильмы во всех кинотеатрах, побывали и в театре, и на выставках и даже в цирке, посещали регулярно эстрадные концерты; Глеб был вежлив, проявлял заботу, заваливал цветами, всякими вкусными конфетами, но ближе чем на пять сантиметров не приближался.

Но вот как-то утром, когда все общежитие жужжало собирающимся на учебу табуном студентов, Катю пригласили к телефону на вахту. (жужжало табуном – табун не жужжит?)

– Сегодня вечером я приглашаю тебя к себе домой, вернее, в берлогу, как я называю это жилище, – Катя узнала Глеба и ощутила, как он волнуется, с трудом высказывая свои

мысли. И у самой, у неё сердце забилось часто-часто и застучало в висках. – Но там уютно и тихо, будет званый ужин с деликатесами и вином, музыка, танцы, и мы с тобою вдвоем... Привет, – высказался, наконец Глеб.

Что-то вспыхнуло в груди у Кати и она задышала глубоко и часто, не в силах сразу ответить, молчала.

– Ты не согласна? – преодолев это молчание, спросил Глеб.

– Я согласна, я, конечно согласна, – представив именно тот поцелуй, ответила, не скрывая восторга, Катя.

– Тогда в семь я заеду за тобой в общежитие.

Конечно, Катю уже интересовало, где и как живет Глеб, но особого значения она этому ещё не придавала. Все внимание её сосредоточено было пока на изучении этого человека как личности и как предмета своей любви, и поэтому она была не очень удивлена, когда, подъехав на такси к обычному жилу дому, они вошли не в подъезд, а в длинный коридор, как у них в общежитии, только у них в общежитии все было аккуратнее и чище, а уж потом подошли к двери, обитой красным дерматином, и Глеб, демонстративно достав ключи, открыл дверь и широким жестом пригласил Катю войти. Катя осторожно переступила порог и попала в маленький коридорчик, откуда вели три двери: дверь напротив входа была открыта – там находилась кухня, влево дверь была закрыта, и по картинке с мальчиком над горшком было понятно, что там внутри; вправо двери не было вообще, а был лишь большой проем в стене коридорчика, ведущий в маленькую,

очень маленькую комнатку, такую маленькую, что мебель занимала все место. Посередине стоял стол, накрытый к ужину. Катя сразу обратила внимание только на две большие, ещё не зажженные свечи по противоположным краям стола и на большой графин с соком манго. Рядом, почти вплотную к столу, стоял сложенный книжкой диван. Чтобы его разложить, нужно было убрать стол, а убирать его здесь было явно некуда. Одно окно, закрытое плотной шторой, создавало в комнате полумрак, но сквозь щелку между половинами штор сверху проникал солнечный свет, отражаясь яркой полоской на противоположной стене. В углу, возле окна, на красивом камодике стоял огромный ящик телевизора, на котором, как бегемот, развалился бобинный магнитофон, а в другом углу вплотную к стене стоял маленький платяной шкаф с наполовину отбитым зеркалом на двери.

– Вот это моя конура, – глубоко вздохнув сказал Глеб, – хоть и конура, но всё же моя личная собственность... вернее, наша. И ещё я скоро куплю машину «Жигули» или «Ладу»... ну на что денег хватит. – Глеб не без удовольствия обвел рукой ещё раз свою конуру. – Давай, снимай пальто, можно не разуваться, у меня это не принято, – улыбнулся он.

Но Катя уже ощупала взглядом почти чистый, хорошо вымытый пол, покрытый, правда, начинающим местами лопаться линолеумом, а в крохотной прихожей уже видела огромные, с Глебовой ноги, тапочки.

– Нет уж, здесь весьма чисто, – она присела на краешек

кресла и стала расстёгивать молнию на сапогах. Растерявшийся Глеб засуетился и, ничего другого не придумав, принёс ей свои же тапочки. Сам же пошел в кухню и сразу вернулся, щелкнул тумблером магнитофона; что-то стукнуло, грекнуло внутри этого монстра, и полилась музыка – мягкая, ажурная (?) и спокойная, потому что это была великая и неповторимая музыка “Beatles”, кассеты которой писались, переписывались и слушались почти в каждой квартире тех лет, и которая никогда никого не раздражала и не утомляла.

– Let it be” – это аперитив к сегодняшнему вечеру, – Глеб указал рукой на диванчик, предлагая Кате сесть там, -слушай, а я сейчас буду тебя кормить, – и опять вышел в кухню.

Оказалось, что он и готовит неплохо. Вскоре зашкворчало и запахло жареным мясом и ещё чем-то вкусным. Катя пробралась мимо стола и дивана и заглянула в кухню, где в фартуке крутился Глеб, но он погрозил ей пальцем, и она вернулась назад, успев заметить, что в большом чугушке на крохотной печке кипит подсолнечное масло, издавая вкусный аромат: значит, будет ещё и картофель -фри – очень вкусный и модный тогда продукт.

Перевод песен”Beatles” тогда тоже знали все... и когда тень стала нависать над певцом, и ему явилась мать Мария... Катя, слушая, рассматривала свои веснушки в отбитом наполовину зеркале на двери шкафа. Из крошечной кухни появился Глеб, неся две тарелки с большими отбивными и все той же картошкой фри хорошо, обжаренной со всех сто-

рон. Ещё в тарелках чувствовалось, как она будет хрустеть во рту. Затем, когда «все стали шептать слова справедливости, появилась бутылка ”Бисера “ и два фужера; также стол дополнили неизвестно откуда взявшиеся ранней весной три апельсина и не очищенный от кожуры и нарезанный тонкими дольками большой ананас, сложенный вновь в целый и украшенный хвостом листьев – просто искусство повара, его”знак качества” .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.